

Д

аже его смерть обратили в шоу. Как стервятники, телекоманды разных каналов обрушились на Воронеж. Отлавливали любого, кто хотя бы мало-мальски знал фамилию усопшего. Собственно, из тех, кто был ему действительно близок, не осталось практически никого. По крайней мере, лет пятнадцать назад, когда, будучи собкором «Парламентской газеты», занимался этой историей, более-менее достоверную информацию о нем я получил от его друга поэта Виктора Панкратова и редактора издательства Тамары Давыденко. Сегодня их уже нет с нами. Но шоу состоялось. Кричали и говорили все разом: его преследовали... ему мстили... эта семейка его уничтожила... Кто-то кому-то угрожал, что начал расследование и скоро выведет всех на чистую воду. Дама с явной печатью деменции на челе назвала его даже диссидентом, вполне очевидно, спутав с пациентом. В конце концов, бывший депутат Госдумы все-таки задался резонным вопросом: «А может, он действительно болел?..» Наверное, с этого и нужно бы начать разговор (если вообще стоило), потому что, хоть и представлялась жизнь этой семьи во всем блеске благополучия — успех, известность, власть, но мало кто знал, что десятилетиями она омрачалась большой бедой — трагедией близкого человека.

«Все земное интересовало его лишь тогда, когда затрагивало его буквально, как пенек на дороге, о который можно споткнуться...»

Точно так же можно «споткнуться» о судьбу человека, написавшего эти строчки. История эта, с одной стороны, экзотическая, небывалая, как и все потаенные саги о вельможётронных семействах, которым человеческое горе сопутствует столь же обыденно, как и пастве. Но, с другой, — такая жизненная драма обычно обрастает всякими вымыслами или окутывается глухой тайной, в которых тонет правда и настоящая боль.

Речь идет об Евгении Титаренко — родном брате покойной первой леди СССР Раисы Максимовны Горбачевой, шурине первого и последнего советского президента Михаила Сергеевича Горбачева. Этот рассказ представляется справедливым не только потому, что генеалогические корни накрепко привязали безвестного человека к известному во всем мире семейству. Напротив, популярности ему хватало и собственной. Женю Титаренко до сих пор помнят в Воронеже как личность незаурядную. Он и на самом деле был талантливым писателем, умницей-собеседником, обаятельным мужчиной с выразительными темно-кариими глазами, которые не одно женское сердце сразили теплотой, нежностью и необъяснимой грустью.

Впрочем, чувство этой щемящей грусти вспыхивает в разговоре о нем почти у каждого, кто знал его близко или общался мельком. Хотя уже давно, еще с середины 80-х годов прошлого столетия, он неожиданно выпал из привычного жизненного круга встреч, общения, работы, посиделок... Это было как раз в период восхождения Горбачева к наивысшей власти.

В то же время со всей неотвратимостью и жестокостью стала проявляться и болезнь Титаренко. Он превратился в законченного бытового алкоголика. Об этом знали в богемных воронежских кругах. Да и в среде простых местных обывателей нередко толковались слухи о том, что у генсека есть родственник-алкаш, поэтому партайгэноссе, дескать, и обрушил на страну «сухой закон». Ну, а Женю — так его называли все, хотя он тогда уже разменял в жизни «полтинник», влекла только одна страсть. С утра он занимал очередь у бронированной двери водочного магазина. Приклеивал на двери свою фотографию, чтобы затвердить неоспоримое первенство в толпе жаждущих выпить. И почему зря ругал великого родственника. Нередко в поисках шкалика Женя неприкаянно бродил по этажам Дома печати, где располагалось и Центрально-Черноземное книжное издательство, в котором он когда-то работал.

И тут вдруг Титаренко пропал. Знакомый книжный редактор, помню, по этому поводу шепотом вынес вердикт: «Загнали Женю в психушку, чтоб Горбачеву не мешал...» Удивительно, но на излете горбачевской эры этот тезис с политической издевательской подоплекой прошелестел по страницам нескольких московских изданий. Цель акции была видна и в строчках, и между ними. Наверное, так хотели подчеркнуть безнравственность властвующей горбачевской семьи, которая, оказываясь, способна определить в безумцы даже близкого человека. Чтоб было Горбачеву спокойнее и чтоб не смаковали тайну журналисты. Ведь отыскать кого-то в «гнезде кукушки» проблематично даже для самых зубастых акул пера.

Причастны ли к изоляции писателя органы госбезопасности? Анатолий Никифоров, бывший в те годы заместителем начальника управления Воронежского управления КГБ, в одной из телепрограмм отчасти подтверждает это, но в очень ограниченных рамках: «Участие нашего управления в жизни Евгения Максимовича сводилось лишь к нескольким эпизодам. Однажды из Москвы пришла шифровка: «В Воронеж едут иностранные журналисты для встречи с Титаренко». С какой целью — понятно: собрать компромат на генсека. Было указание — этого

Евгений Титаренко и Раиса Титаренко (Горбачева) в молодости

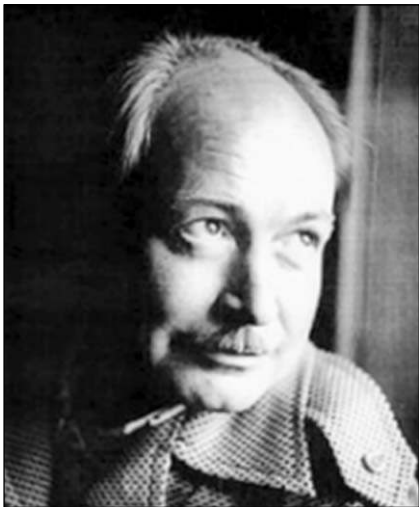
не допустить. В общем, мы попросили местный Союз писателей соответственно принять «гостей», замкнуть на себе, разумеется, без контактов с Титаренко... Кроме того, бывало, что помощник Горбачева присылал через проводника московского поезда посылку, а наш сотрудник отвозил ее в Орловку, в больницу... На мой взгляд, эту проблему могли бы спокойно решить в окружении Горбачева: да, человек проявил слабость, но можно ведь было найти хороший санаторий, полечить, обеспечить охрану. А так, создается впечатление, что избавились...

Вот такая точка зрения. Да и жизнь обычно расставляет все по местам. Ясны становятся низость, которой нету дна, и высота, к которой стремится любой человек. Этот масштаб соразмерен и вождям, и толмачам. Так и в Жениной судьбе интереснее это — личное. То, что его вознесло. То, что его уничтожило. И главная разгадка его жизни кажется по-русски трагичной, но бесхитростной. У нас почти всегда так было: чем ярче талант, тем изломаннее и сумрачнее его судьба.

2

«Ведь не может оказаться в жизни так, что вся она пройдет, а ничего необыкновенного не случится...»

Очевидно, эта Женина строчка — самое точное подтверждение давно замеченного: о чем бы человек ни писал, он пишет, прежде всего, о себе. Вот и у него многое вершилось волею случая. Жизнь семьи испокон была полна скитаний: отца-железнодорожника бросали с одного трудового фронта на другой. Родился Жена в Алтайском крае. Школу заканчивал в Башкирии. Мечтал стать моряком. После семилетки учился в Саратовской мореходке, потом — в Ленинградском высшем военно-морском училище инженеров оружия. И тут неожиданный поворот. За год до окончания он бросает учебу и свою морскую эпопею заканчивает рядовым матросом на Северном флоте. Можно предположить, что иные глубины влекли парня уже тогда. Его первые литературные опыты относятся еще к саратовским временам. Но жизнь будто взялась научить его сначала своему опыту. После армии он подался в Донбасс, где год в шахтах отмахал молотобойцем. Затем без проблем поступил в Лите-

Писатель Евгений Титаренко. 1980-е

ратурный институт имени Горького. Легко учился и блестяще защитил творческий диплом, представив комиссии свой роман «Обвал» — о тягостных буднях шахтерской жизни. Распределился в Воронеж.

Сюда его увлек студенческий товарищ по Литинституту Эдуард Пашнев. Родина Кольцова и Платонова, срединная Россия, одно из самых плодотворных в стране — Центрально-Черноземное книжное издательство, мощная писательская организация... Все это казалось надежным творческим берегом, от которого можно было плыть к удаче во все стороны. Тем более, когда за плечами всего 29 лет, великолепная рекомендация руководителя литинститутского семинара Льва Кассиля. По утверждениям очевидцев, мэтр восторженно отзывался о молодом литераторе, подчеркивая, что талантливых учеников у него немало, но он счастлив быть наставником Жени Титаренко.

В Воронеж Женья приехал не с пустыми руками. Институтскую учебу он пережегал напряженным творчеством. Тамара Тимофеевна Давыденко, которой довелось с ним работать в издательстве с первых дней, вспоминала, с каким интересом, даже упоением в редакции зачитывались необычной прозой новичка. На суд коллег он отдал два своих романа — тот дипломный «Обвал» о шахтерах и пронзительно откровенное, поэтичное повествование о любви «Мужчина и женщина». Все были в восторге. Единодушно решили запускать в работу «Обвал» — такой обнаженной правды о жизни современного рабочего класса им не доводилось читать даже в годы хрущевской «оттепели». Шел 1965 год. И она еще веяла на них своим заманчивым, но уже обманным теплом.

3

«Человек придумывает счастье, не понимая, на что себя обрекает, когда пытается его найти...»

С Женей заключили договор. Втиснули книгу в издательский план. И даже выплатили аванс. Он был счастлив ровно месяц, пока его нетленные строчки вдоль и поперек мусолили цензоры облиты. А в обкоме партии красным карандашом перечеркнули сразу все — с первого до последнего абзаца: «Чернить советскую действительность не позволим!» С этого момента, как замечают Женины друзья, его жизнь и дала осечку. Конечно, история с «Обвалом» не отправила ее под стремительный откос, но, кажется, будто стреножила его удачу, лишила творческого куража. Ведь психология любого тонкого художника рвется именно на неудачах такого рода. Друзей-издателей таскали с объяснительными записками по кабинетам: «Как пропустили антисоветчину?!», а Женья затосковал.

Все неожиданно усугубилось и на семейном фронте. В Воронеж Женья приехал с институтской подружкой-красавицей, осетинской поэтессой Зоей Габоевой. Сыграли свадьбу. Родили дочку, в которой он поначалу души не чаял, назвав Ириной в честь племянницы. И вдруг между молодыми супругами будто кошка пробежала. Дошло до того, что, обвинив жену в измене, он запальчиво отрекся даже от

дочери: «Не моя!» Все чаще Титаренко пытался найти утешение на дне стакана. И, естественно, находил лишь пустоту, оглушавшую мозг и душу. Не спасло даже то, что писательской семье дали небольшую квартирку в центре города. Евгений ушел, бросив этот дом и то, что казалось семьей.

Скитания по случайным ночлегам да углам до добра, конечно, не довели. Пирушки затянули бесконечным хмельным водоворотом. Поводов для этого в писательской среде всегда хватало: удача или провал, вышедшая книжка или прочитанная гениальная строка. А то и просто — за знакомство, за автора, за редактора... Жизнь разбивалась об этот скверный быт, но еще была отрада в труде. Кого ни спрашивал, все в один голос утверждали: несмотря ни на что, Титаренко титанически много работал. Писатели считали его идеальным редактором: правил без вкусовщины, советовал обычно в точку — книги своих авторов он делал всегда лучше рукописей. Много писал сам. Друзья и поныне называют его одним из самых одаренных воронежских литераторов. Да, он так жил: днем пил, но, оклемавшись, писал ночами до утра. В 1968 году его приняли в Союз писателей СССР.

Литературный путь Евгения Титаренко был недолгим, но плодотворным. Тамара Тимофеевна Давыденко собрала все, что он успел издать — девять книжек редкой, увлекательной прозы. Первые — «Четверо с базарной площади», «Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей», «Минер»... — в конце 60-х годов. Последнюю — «На маленьком кусочке Вселенной» — в 1985 году.

Директор Воронежского дома литераторов Юрий Кургузов рассказал, что в середине 90-х титаренковского «адмирал-генералиссимуса» переиздали. Гонорар передали диспансеру на уход за пациентом, несколько экземпляров книги попросили отдать автору. «Я спрашивал потом у врачей, какова же была реакция Титаренко? — говорит Кургузов. — Сказали, что он взял книгу в руки, долго сидел с нею, гладил, на глазах у него выступили слезы... Все это трогательно, щемяще грустно... Это была последняя книга, вышедшая при его жизни...»

Первую книгу, кстати, Евгений Максимович написал и издал, чтобы расплатиться за аванс отвергнутого «Обвала». Практически все его произведения были изданы в Воронеже — в основном на Центрально-Черноземный регион. Оттого, наверное, и не были они столь широко известны по стране. Еще одна особенность — все произведения с пометкой «Для детей и юношества».

Может быть, это был осознанный выбор. Искренняя душа писателя не могла фальшивить, переплавляя несправедливости и беды «взрослого» бытия в псевдопобеды. Поэтому эта искренность и нашла дорогу к тем, кому она особенно нужна — человеку, начинающему житье. То, что детскую литературу писать легче, на мой взгляд, неверно. На равных говорить с ребенком о жизни, увлечь его этим разговором, растолковать, где добро и зло, — все это требует великого дара. У Евгения Максимовича он, несомненно, был. Полсотни лет прошло, а я помню, как, подражая титаренковскому адмирал-генералиссимусу, мы, деревенские пацаны, затевали свои путешествия в поисках чуда, которое может быть рядом, учились защищать достоинство и честь... Это пришло к нам из его книг, потому что в них была наша жизнь.

4

«Кроме фразы «Прощайте, друзья...», ничего в голову не приходит...»

А вот его жизнь таяла. Женя на глазах превращался в немощного, изнуренного всякими хворобами человека. Друзья упросили его пойти к врачу. Диагноз был удручающим — белая горячка, алкоголизм. Он лечился. После даже сошелся с милой дамой, музыкантшей. В честь этого союза он подарил ей... рояль. Но она,

оказывается, тоже увлекалась выпивкой. Держались они недолго. Потом запили вместе. Как пришла муза, так и ушла. И все стало еще хуже.

Семья, конечно же, пыталась выволочь его из беды. Просили одуматься. Однако это кончилось лишь тем, что он отказался от всякого общения с матерью и отцом. Многие годы его опекала старшая сестра — Раиса Максимовна. Женина беда была для Горбачевых большим горем. Пробовали лечить Женю в Москве. Он запросился обратно в Воронеж. Здесь спецслужбы, как можно предположить, и по велению свыше, да и по собственной инициативе взяли Титаренко под строгий присмотр: кому понравятся крамольные речи у водочных магазинов. Спустя несколько месяцев его доставили в областную психиатрическую больницу с диагнозом «Органическое поражение мозга».

В больнице он окончательно прописался где-то с 1989 года. Поначалу его регулярно проводывали коллеги-писатели. Раиса Максимовна сюда к брату не приезжала ни разу. В одном из интервью того времени она отмечала: «Брат — одаренный, талантливый человек. Но его дарованиям не суждено было сбыться. Его талант оказался невостребованным и погубленным. Брат пьет и по многу месяцев проводит в больнице. Его судьба — это драма матери и отца. Это моя постоянная боль, которую я ношу в сердце уже больше 30 лет. Я горько переживаю его трагедию, тем более что в детстве мы были очень близки, между нами всегда была особая душевная связь и привязанность. Тяжело и больно...» Примерно о том же говорил иногда журналистам и Горбачев. Но вновь возникает резонный вопрос, почему же Титаренко оставили в Орловке, прямо говоря, и в забытьи, и в одиночестве? Лишь однажды здесь его проводила племянница — дочь Горбачевых.

Впрочем, больной писатель и сам отвергал всякие контакты с партийно-вельможными родственниками. Евгений Григорьевич Новичихин, нынешний патриарх воронежских писателей, возглавлявший в ту далекую пору местное отделение Союза писателей, вспоминал, как однажды ему позвонил Евгений Синицын, известный обозреватель Центрального телевидения, и сказал, что его друзья-кинатографисты из ФРГ ищут Титаренко и хотели бы снять фильм по одной из его

Этими книгами зачитывались не только подростки

книг. «Я сообщил об этом Жене, — рассказывает Новичихин. — Но его реакция была категоричной: «Знаешь, я никогда на это не соглашусь. Им интересен не я, а Горбачев. А от него мне ничего не нужно — ни славы, ни помощи...»

Последнюю весточку из больницы Женя прислал близкому товарищу Виктору Панкратову: «Чтобы отвлечься и чем-нибудь заняться, решил вести дневник. Но кроме фразы «Прощайте, друзья...» ничего в голову не приходит...» Затем его состояние ухудшилось, стала развиваться болезнь Альцгеймера. Перестали пускать к нему посетителей. Да после смерти родителей и сестры вряд ли кому он был бескорыстно и нужен. Собственно, ни в ком он и не нуждался. Никого не узнавал. Телевизор не смотрел, не читал, не писал. Жил отрешенно. Что называется, весь в себе.

Уход в больницу он получал приличный, хотя ничего ни у кого не требовал. Впрочем, по рассказам медперсонала, один день он ждал нетерпеливо — свой день рождения, 5 декабря. Его обычно поздравляли сотрудники больницы. Даже наливали сто граммов вина. Он медленно выпивал. Улыбался чему-то своему...

И тут пошла писать журналистская братия! В последние годы из газеты в газету, с телеканала на телеканал пошли гулять самые разухабистые версии о том, что, дескать, Титаренко вовсе и не болел, что Горбачевы, опять же, засадили его в больницу, чтобы не компрометировал, а потом, дескать, медначальство удерживало, чтобы пользоваться квартирой пациента... и проч., и проч. Пытались урезонить телекиллеров и целкоперов воронежские писатели, знавшие эту историю. Бесполезно! Бывшая директриса лечебницы для душевнобольных в Орловке Ксения Власовна Тумакова откровенно говорит: «О Евгении Максимовиче Титаренко написали очень много ерунды. На самом же деле изначально виновата известная «русская болезнь» — он сильно пил. Потом получил серьезную травму головы, задело мозг, что усугубило течение болезни. Стало развиваться слабоумие...» Но ради «жареной» строки разве нужна объективная информация?!

Словом, дошло дело до прокурорской проверки по поводу законности содержания брата Раисы Горбачевой в психиатрическом диспансере. Резюме прокуратуры Воронежской области было таким: установлено, что Евгений Титаренко впервые поступил в Воронежскую областную психиатрическую больницу в 1973 году в возрасте 38 лет... Впоследствии пребывал здесь на лечении без выписки. Решением Хохольского районного суда от 9 июля 1993 года признан недееспособным, родственники опеку над ним не оформляли, в связи с чем функции опекуна исполнялись Воронежским областным клиническим психоневрологическим диспансером в лице главного врача... В соответствии с требованием законодательства подопечный один раз в полгода освидетельствовался комиссией врачей-психиатров, при комиссионном освидетельствовании каждый раз констатировалась невозможность его выписки домой... Евгений Титаренко является собственником квартиры, в которой на день проверки никто не проживал. Ежемесячно из пенсии писателя оплачивались коммунальные платежи за нее. Работники диспансера, по необходимости, навещали эту квартиру для проверки состояния коммунальной инфраструктуры и предотвращения утечки воды и газа... В ходе прокурорской проверки нарушений законодательства не выявлено.

Против фактов спорить трудно. Но ради красного словца не жалеют никого. Разворачиваются какие-то немудримые независимые (от кого?!) расследования, верстаются шумные телешоу, строчатся сенсационные статьи...

А Евгений Максимович Титаренко умер 27 апреля сего года. Похоронен на скромном кладбище села Петино под Воронежем. Там все тихо и спокойно.

